

ЗА ГРАНЬЮ

**Читайте мистические триллеры
Альбины Нури в серии «За гранью»:**

Вычеркнутая из жизни
Пропавшие в раю
Отмеченная судьбой
Очарованная мраком
Плененные тайной
Пятый неспящий
Обреченные на страх
Пассажир своей судьбы
Глоток мертвой воды
Дорога в мир живых
По разные стороны вечности
Черные души праведников
Тот, кто стоит снаружи
Город мертвецов
Плачущий лес
Погребенные за мостом

Альбина
НУРИ

ПОГРЕБЕННЫЕ
ЗА МОСТОМ

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н90

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 [vmirefiction](#)

 [read_action](#)

Дизайн обложки *А. Рысухиной*

Редактор серии *А. Антонова*

Нури, Альбина.

Н90 Погребенные за мостом : [роман] / Альбина Нури. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с. — (За гранью. Мистические триллеры Альбины Нури).

ISBN 978-5-04-112198-3

После смерти любимой жены Илья тоже чувствовал себя мертвым. Чтобы отвлечься и сменить обстановку, он устроился на работу в санаторий, расположенный высоко в горах. Поначалу Илье там понравилось: тишина, спокойствие, прекрасная природа, приятные люди. Но идиллию разрушила непогода, а потом в санаторий пришла одна из местных жительниц и заявила: скоро здесь случится нечто очень плохое и всем надо как можно скорее уехать, иначе никто не останется в живых. Конечно, ее сочли сумасшедшей и выставили за дверь, но страх уже поселился в душах людей. Похоже, в этих горах притаилось древнее зло и оно готово пробудиться...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-112198-3

© Нури А., 2020

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ПРОЛОГ

Когда они, наконец, закончили, уже стемнело и снова начал накрапывать мелкий, как водяная пыль, дождик.

Лука, который толком не спал уже больше двух суток, валился с ног от усталости, хотя и старался не подавать виду, не жаловался и не роптал — побаивался отца Владимира. Очень уж тот был суров и строг. К тому же втайне Лука гордился, что именно его, посчитав достойным, выбрали в помощники отцу Владимиру.

Гордыня — плохое чувство, греховное, но побороть его не очень-то получалось. То, что им предстояло сделать, отец Владимир и другие посвященные именовали не иначе как «миссией». Провалить доверенное им дело значило бы погубить все, что с таким трудом и потерями удалось свершить братьям.

Но они справились.

— Никто его тут не отыщет, — со сдержанным удовлетворением в голосе произнес отец Владимир, отзываясь на мысли своего младшего товарища. — Никогда.

АЛЬБИНА НУРИ

Это уж точно. По тайной тропе, о которой знал только сам отец Владимир, родившийся в этих местах, они забрались, кажется, на самый высокий горный пик. Окажись здесь Лука в одиночестве, ни за что не нашел бы дороги назад, так и заблудился, и сгинул бы в этих проклятых горах.

Но с отцом Владимиром бояться нечего: до того как найти себя в служении Господу, он был разбойником — так о нем говорили братья (вернее, шептались, потому что вслух никто не отваживался), поэтому и знал множество потайных мест в горах, где стоял монастырь.

В пути провели часов двадцать, а то и больше. Сначала долго ехали по разбитой дороге в крытой повозке, которой управлял молчаливый возница с обвисшими усами. Потом, когда дорога закончилась, отец Владимир и Лука, забрав свою ношу, долго шли вдоль буйной горной речки, которая с ревом неслась по камням, словно стараясь опередить путников.

Здесь, внизу, всегда было холодно: черные горы, заросшие дикими лесами, нависали, не пропуская солнечные лучи. Лука совершенно вымотался, пробираясь по острым камням. Долгополая ряса липла к телу, обвивала ноги, мешая идти, он постоянно боялся упасть и размозжить голову о серые каменные глыбы.

Погребенные за мостом

А отцу Владимиру, казалось, все было ничем: он шел ходко и уверенно, то и дело останавливаясь, чтобы дождаться обливающегося потом Луку. Конечно, думал Лука, ему-то не приходится тащить лопаты и мешок. Впрочем, при мысли о том, *что* тащил отец Владимир, Луку мутило от страха.

Потом, дойдя до какого-то одному ему ведомого места, отец Владимир резко свернул в сторону горной гряды. Лука старался поспевать за ним. Они углубились в заросли деревьев и кустов: мокрые от дождя ветки хлестали по лицу, за шиворот попадала вода, и Лука морщился, чувствуя сбегаящие по спине ледяные струи.

— Наверх, — скомандовал отец Владимир, на мгновение подняв голову к мрачному далекому небу, и Лука послушно поплелся следом, изо всех сил стараясь не думать о том, как станет подниматься на такую высоту.

Он пытался воскресить в себе ту радость, переполнявшую его, когда он узнал, что ему предстоит сделать, какую честь оказывают ему братья. Но выходило плохо: боязнь высоты была сильнее той призрачной радости.

Путь наверх давался с трудом. Лука не смотрел вниз, видел перед собой лишь спину своего спутника, но при мысли о том, что с каждым шагом дно ущелья отдаляется от них, делалось дурно.

АЛЬБИНА НУРИ

«А спускаться как же?» — думал он.

Придется ведь смотреть прямо перед собой, видеть зияющую бездну, похожую на раззявленную пасть дикого зверя — смертоносную, ненасытную. К тому же будет темно, так и оступиться недолго.

Наконец подъем закончился. Они оказались на узкой площадке, похожей на сердито выпяченную нижнюю губу, над которой нависал «нос» — выступ скалы.

— Зароем его здесь, — проговорил отец Владимир. — Время пришло.

Лука, у которого ноги подгибались от напряжения, хотел было попросить о передышке, но наткнулся на жесткий взгляд отца Владимира и вонзил в землю лопату.

— Рой поглубже, не меньше двух метров, — приказал тот, и Лука послушно принялся копать.

К счастью, земля была довольно мягкая, но все равно провозился он больше часа. Отец Владимир все это время стоял рядом, не выпуская из рук то, что следовало опустить в вырытую Лукой яму, и беззвучно творя молитвы.

Наконец Лука услышал сухой приказ:

— Довольно. А теперь отойди в сторону.

Детали ритуала были ведомы лишь одному отцу Владимиру, и Лука, почти не понимая смысла, выполнял то, что от него требовали: вынь из мешка то, подай это. Он знал: нужно

Погребенные за мостом

все сделать правильно, дабы то, что они принесли с собой на вершину горы, не смогло вернуться в мир, неся с собой смерть, ужас и разрушение. Сознание ответственности, понимание великой чести, которая была ему оказана, вновь охватили молодого монаха.

И вот теперь, когда все наконец-то закончилось, отец Владимир и проговорил: никто не сумеет отыскать то, что они закопали.

— Возница может проговориться, — вдруг испугавшись, что все труды пойдут прахом, сказал Лука.

— Не сможет, — ответил отец Владимир и улыбнулся. Его лица в сгустившейся темноте не было видно, но Лука догадался по голосу. — Нож под сердцем сделал его молчаливым.

Луке стало страшно от того равнодушия, с каким отец Владимир упомянул об убийстве. Видимо, правду говорили братья: был он прежде настоящим душегубом.

— Я и не заметил, когда ты... — Он сглотнул клейкую тягучую слюну. — Сделал это.

— Еще бы ты заметил.

Отец Владимир подошел к краю платформы и глянул вниз без малейшего следа боязни. Разглядеть что-то в такой темноте он вряд ли смог бы, если только не был способен видеть в темноте, как кошка. Далеко внизу гремела река, перекрывая шорох дождя. Лука, пряча страх, задиристо проговорил:

АЛЬБИНА НУРИ

— А как они узнают, что мы с тобой не станем болтать?

— Мы божьи люди, — ответил отец Владимир, и в этих словах Луке почудилась усмешка. — Ладно, хватит разговоров. Пора возвращаться.

Лука стоял близ стены, на противоположном конце площадки. При мысли о спуске начинало мутить.

«Может, до утра подождать?» — пронеслось в голове. Но следом пришла мысль о том, что ночевать рядом с *этим* не менее жутко. И все же хотелось немного потянуть время, чтобы набраться решимости, поэтому Лука задал вопрос, который давно его мучил.

Отец Владимир ответил ему, объяснил все подробно, и больше уже не было причин медлить.

— Пошли, — вздохнул Лука, приблизившись к отцу Владимиру, все так же стоящему у края обрыва.

— Как мы будем... — начал он, собираясь спросить, как они станут спускаться, но не успел договорить.

Отец Владимир быстрым и точным, почти неуловимым движением схватил его за плечо, рванул на себя, а потом с силой толкнул. Предсмертный крик Луки был похож на писк новорожденного котенка — да бедняга и был таким: не повидавшим жизни глупым котенком. Он и постриг-то принял совсем недавно.

Погребенные за мостом

Щуплое тело мальчишки полетело вниз и, преодолев несколько сотен метров, ударились о камни. Отцу Владимиру хотелось думать, что он ничего не понял и умер быстро, разбив голову об один из каменных выступов. Он даже ощутил нечто похожее на жалость и пустоту. Если бы мог обойтись без помощи, то не стал бы брать Луку. Но одному было не управиться. Несмышлениш-Лука был крошечным винтиком, однако, не сделай он свою часть работы, ничего бы не вышло.

Отцу Владимиру доводилось убивать, но две последние смерти не отягощали его совести и не пятнали души. Братья отмолят, но даже не это главное. Господь знал, что иначе нельзя, он совершил все во имя Его.

— По-другому никак, Лука, — тихо проговорил отец Владимир, стремясь объяснить покойному, почему ему пришлось принять такую жестокую смерть. — Вздумай ты распустить язык, все могло бы повториться.

Повторения следовало избежать любой ценой. Отец Владимир поклялся сделать все, как нужно, — и сделал.

Мир очистился от скверны, погубившей несчетное число душ и уничтожившей бы гораздо больше, если бы братья, Лука и он сам не положили этому конец.

— Кончено, — проговорил отец Владимир.

АЛЬБИНА НУРИ

Теперь оставалось последнее. Он сплел пальцы в тугой замок, опустил голову, прикрыл глаза и прочел молитву, потом еще одну.

Закончив, отец Владимир посмотрел в темноту. Он не видел перед собой ничего, кроме мрака, но это не важно. Внутреннему взору его была доступна дикая, зловещая красота здешних мест. С детства он знал каждый камень, каждый куст и был рад, что именно здесь ему предстоит соединиться со Всевышним.

Он много грешил, всеми силами старался искупить грехи, когда понял, что ему открылся Свет, и верил, что сегодняшней поступок отворит ему путь к сияющей вершине Божьего прощения.

«Я иду к Тебе», — мысленно проговорил отец Владимир и без страха шагнул в пропасть.

Ледяная черная бездна приняла его, вознося к небесам.

ЧАСТЬ 1

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Количество вранья зашкаливало. От натужных улыбок сводило челюсти. От лживых слов, что застревали в глотке, тошнило и хотелось прополоскать рот.

— Ты прав, так будет лучше, — сказал он и подумал, что дольше ему не выдержать. — Иногда нужно сменить обстановку.

— Конечно, я прав! — с фальшивым энтузиазмом подхватил Александр, которого все обычно называли Ацо. — Денег подзаработаешь, а заодно и здоровье поправишь, нервы подлечишь, успокоишься. Знаешь, какая там красота? А воздух? Его ложкой можно черпать! А потом вернешься и с новыми силами...

«Не будет никаких «новых сил». Откуда им взяться? Да и зачем?»

Будущее не просто виделось туманным — оно отсутствовало. А может, все было не так уж и безнадежно, просто не хотелось за него сражаться — с судьбой, с самим собой, со своим организмом, нежеланием вести дела, как прежде, и бог знает с чем еще.

АЛЬБИНА НУРИ

— Тебе помочь? Ну, собраться или...

Ацо не договорил, преданно глядя на Илью, и ему подумалось, что даже в детстве и юности, когда вокруг всегда полно народу, не было у него друга надежнее.

Невысокий и плотный, с большими грустными глазами и крупным мясистым носом, Александр поначалу показался Илье похожим на печального клоуна. Потом, спустя короткое время, он понял, что не встречал никого великодушнее и добрее.

Сербы в большинстве своем открытые, общительные, доброжелательные, готовые помочь — по приезду Илью это немало удивляло. Страна, которая стала его домом, была теплой во всех отношениях — климат, люди, условия жизни. Он оттаивал здесь, отдыхал душой, делался мягче, проще.

Илья женился на сербке Славице и переехал сюда девять лет назад, продав квартиру в России, и по прошествии этого, не столь уж продолжительного времени привык, обжился, врос в местную благодатную почву обеими ногами.

А теперь его будто выкопали из этой гостеприимной земли, словно куст малины, и бросили засыхать.

— Я уже собрался, Ацо. Завтра возьму сумку и на автобус.

Друг кивнул и глотнул пива из зеленой запотевшей бутылки. Они почти каждый вечер

Погребенные за мостом

сидели на террасе и пили пиво — то у Ильи, то у Ацо.

Пьют в Сербии не как в России: с одной бутылкой пива или рюмкой ракии (в сочетании с чашкой кофе) могут запросто весь вечер просидеть. Говорили по-сербски — благодаря все тому же Ацо и Славице Илья быстро освоил язык, через полтора года разговаривал совершенно свободно.

— Позвони, как доедешь. И вообще звони, не пропадай.

— Конечно.

Они помолчали.

— Но ведь это и вправду хорошо, что ты поедешь, — чуть ли не жалобно проговорил Ацо. — Нужно следить за здоровьем. Мы с моей и так переживаем! — Под «моей» имелась в виду Добрила, жена Ацо. — Как бы у тебя что с легкими не случилось: ты ведь каждый день пылью дышишь, бензином!

Говорить другу, что он сам наносит собственным легким куда больше вреда, выкуривая по две пачки сигарет в день, было бесполезно. У Ацо вообще были весьма оригинальные суждения о медицине. Например, он не пил кофе с молоком, свято веря, что это вредит печени, «цементирует» ее. При этом килограммами поглощал жирную свинину, домашнюю свиную колбасу, плескавицу, чевапи, «печене — жареных на вертеле поросят и чорбу из ягняти-